

Собеседник

Лунин Валерий Васильевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 5 сентября 2012 и опубликована 7 марта 2014.

Введение

Во второй беседе декан химического факультета МГУ, академик Валерий Васильевич Лунин рассказывает о том, как восстановился в 1963 году на факультете после службы в армии, как подготовил дипломную работу у А.А. Баландина, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, а в 1987 году стал заведующим Лабораторией катализа и газовой электрохимии. В.В. Лунин вспоминает об энтузиазме, с которым в годы перестройки взялся реформировать КПСС, о своем участии в выборах в Верховный Совет РСФСР и о работе в Комитете по науке и образованию Верховного Совета. Отдельной темой беседы становится рассказ о руководстве химическим факультетом МГУ: ученый вспоминает, как в начале 1990-х приходилось добывать для факультета реактивы и как удалось восстановить приток талантливой молодежи в науку через олимпиады.

Публикуется совместно с Химическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Витальевна Богатова: Мы в прошлый раз остановились на том, как вы вернулись из армии на учебу.

Валерий Васильевич Лунин: Да-да-да. И был издан приказ о моем восстановлении в число студентов второго курса, и я уехал в Казахстан. У меня была большая очень группа школьников — впервые, школьников из Царицына. Очень хорошие ребята, десятиклассники, выпускники, и было несколько человек трудновоспитуемых — из отделения милиции.

Т.Б.: Тогда такое практиковалось в стройотрядах и целинных отрядах?

В.Л.: Да, в целинных отрядах, в некоторых, это было. Ну вот мне предложили — я взял ребят. Поскольку атмосфера очень хорошая всегда в стройотряде, и ребятам, несмотря на то что они были младше немножко бойцов, а я, понятно, был самым старшим, после армии, руководитель, — им очень понравилась целина, хотели они на будущий год поехать, но на будущий год уже нам их не предлагали...

Т.Б.: А как они там себя показали? Не хулиганили?

В.Л.: Очень хорошо. Нет, не хулиганили, работали вместе со всеми. Они видели, как студенты с утра до вечера трудятся, поют песни, жгут костры...

Т.Б.: Им было интересно...

В.Л.: Интересно все, что делали мы: и связь с детьми там в детских садах была, и самодеятельность, агитбригада наша — все было очень интересно! И такой пример: у меня вот был врачом выпускник-отличник Первого меда Чиссов Валерий Иванович, тогда — Валера, он поступал в ординатуру продолжать образование, а сейчас он — директор Института имени Герцена, академик Академии медицинских наук.

Т.Б.: А он был среди тех трудных подростков?

В.Л.: Нет! Он был врачом в отряде, он только что закончил Первый мед. Мы с ним поддерживаем контакты, и когда нужно помочь нашим сотрудникам, я всегда обращаюсь к Валерию Ивановичу, он никогда не отказывает. Есть совместные проекты, которые выполняются нашими учеными и учеными Института имени Герцена.

Т.Б.: То есть стройотрядовское братство — оно крепкое.

В.Л.: Очень-очень-очень, но сейчас это уже, в таком варианте, невозможно. Ведь знаете как... Целина, первая целина, 1958 год, — я рассказывал об этом: чтобы поехать, мы собирали деньги, ехали в товарных вагонах, ехали очень долго, надо было купить питание.

Т.Б.: Ну да, ведь это все за свой счет.

В.Л.: Закупалось все за счет тех, кто ехал. Поэтому, конечно, другие совершенно принципы были организации и отношения к делу. И я проработал там почти до конца октября, поскольку мы сдавали ряд объектов, таких, как большие арочные коровники, птичник отремонтировали капитально. И мне как руководителю пришлось там остаться, закрывать наряды.

Поэтому я приехал, включился в новую учебную группу и был, опять же, старше ребят... В этот момент как раз, в ноябре, я женился. Елена Вадимовна была аспирантка, она была с того курса, с которым я начинал учиться. Мы вместе были в 1958 году с ней на целине, она приезжала ко мне в 63-м, я приезжал из армии — приходил в лабораторию...

Т.Б.: То есть вы продолжали дружить.

В.Л.: Да-да-да. И когда ребята приезжали ко мне в армию, она тоже приезжала. И в 64-м году у нас родилась дочь Аня, а через одиннадцать лет родился сын Алеша. И так мы прожили очень счастливо тридцать шесть лет. Потом у нас была авария автомобильная, она сильно пострадала, прожила два года и, к сожалению, ушла из жизни.

Она очень серьезно занималась наукой, была очень известным человеком в области физической химии поверхности. Чтобы не быть нам на одной кафедре, я ушел на кафедру органического катализа к Алексею Александровичу Баландину. Он был заведующим кафедрой, кафедра небольшая была, соответственно, в группу Александра Евгеньевича Агронома — научным руководителем по дипломной работе был Александр Евгеньевич Агрономов и Георгий Васильевич Лисичкин — он был тогда аспирантом. И когда в 1967 году я закончил учебу, меня кафедра рекомендовала оставить для работы на факультете. Это было очень непросто, — как и сейчас не очень просто, — но я активно занимался и наукой, и учебой, и, соответственно, занимался общественной деятельностью очень активно. Я был председателем учебной комиссии курса. В шестьдесят... каком году? Это было на четвертом курсе, значит 66-й год — мы провели первый Праздник химика.

Студенческие годы

Т.Б.: О нем вы отдельно расскажете. А что касается учебных лет — немножечко про студенческие годы: кого вы можете выделить, кто вам больше запомнился из лекторов и преподавателей, которые проводили практические занятия у вас? Что-то о них расскажите, пожалуйста.

В.Л.: Я думаю, каждый из нас помнит своих преподавателей. Я могу сказать только, что... Я считаю, что мне повезло — как, наверное, и многие другие студенты считают, что им повезло в жизни, когда они попали к своим преподавателям. Прежде всего, конечно, первый курс — это Ольга Георгиевна Немкова, доцент, выпускница Бестужевских курсов женских — изумительный человек! У нее учился Виктор Иванович Спицын, академик, заведующий кафедрой неорганической химии (когда мы поступили, он был уже). Она очень много уделяла внимания всем, ну а мне особенно, потому что я был младше всех на курсе, я был из деревни, в городе мне было трудно привыкать, я чувствовал себя немножко чужим, несмотря на такой общительный характер. Она очень внимательно относилась, и когда Алексей Александрович Баландин — почему о нем я вспомнил — обратился к Виктору Ивановичу Спицыну, чтобы подобрать студента для выполнения курсовой работы, которая нужна была Баландину, чтобы подтвердить мультиплетную теорию катализа, которую он к тому времени уже сформулировал, опубликовал, и она была признана в мире... Нужно было получить пятиокись ниобия высокой чистоты. Виктор Иванович обратился к Ольге Георгиевне, чтобы она подобрала студента — она предложила меня. И я...

Т.Б.: Это еще на первом курсе?

В.Л.: ...на первом курсе выполнил эту работу, она была лучшей курсовой работой на курсе признана. И это небывалый случай — он может быть только в Московском университете, я думаю. Когда я уже сдал препарат чистый, и все проверили сотрудники Алексея Александровича, Виктор Иванович и Алексей Александрович пригласили меня пить с ними чай.

 Я, студент первого курса, с двумя академиками пил чай и рассказывал, как я делал курсовую работу!

Т.Б.: Это был хороший стимул и награда такая, духовная...

В.Л.: Конечно-конечно. Ну и, как говорится, я все это и в своей деятельности храню и развиваю.

Конечно Лев Абрамович Тумаркин! Это лектор по математике, он любимец всех студентов был, в том числе и меня. Я с ним лично был знаком, ездил к нему на дачу в «Мичуринец».

Т.Б.: А как это случилось?

В.Л.: Случилось... Со мной жил бывший матрос, самый старший человек на курсе, Виктор Иванович Яковенко. Ему было уже тридцать четыре года. Он долго прослужил на Военно-Морском флоте, а потом

решил стать химиком и поступил...

Т.Б.: Через рабфак? Подготовительные курсы?

В.Л.: Вне конкурса они шли. То есть ему просто надо было сдать положительно. Тогда еще рабфаков не было, они позднее возникли. И он завалил математику два раза — его хотели отчислить. Я подошел к Льву Абрамовичу, говорю: «Лев Абрамович, у меня есть товарищ, он старше, вот такая у него биография, он из цыган сам...»

Т.Б.: Интересная действительно судьба!

В.Л.: «...и будет несправедливо, если с ним что-нибудь случится. Его нельзя отчислять, ему надо помочь получить высшее образование и закончить химфак. Он очень ответственно работал, но, конечно, большой перерыв в учебе сказался». Он сказал: «Приезжайте ко мне с ним, и мы поговорим». И он очень готовился долго, потом я говорю: «Когда?» — «Вот завтра приезжайте, завтра воскресенье, и приму у него экзамен, пусть берет отрывной». Мы приехали к Льву Абрамовичу...

Т.Б.: А где у него была дача?

В.Л.: «Мичуринец», здесь недалеко. Это кооператив университетский. И пока Виктор Иванович готовился, Лев Абрамович показал мне грядки с клубникой, цветы, все рассказал, мы с ним поговорили: откуда я, что, как — я ему рассказал свою историю.

Т.Б.: Это все на первом курсе было?

В.Л.: Да. Виктор Иванович долго сдавал очень, и Лев Абрамович сказал: «Я могу поставить вам твердую тройку». Несмотря на то что Виктор Иванович был уже человек взрослый, он очень растрогался, сказал: «Могу я на четыре выучить?» — «Конечно можете. Если будете заниматься серьезно — можете». Ну и потом у Виктора Ивановича не было проблем с учебой, он занимался ровно, не был отличником, но сдавал вовремя все экзамены, и долго меня отговаривал уезжать в Сибирь. «Ты, — говорит, — мальчишка еще, не понимаешь, что тебе выпало! Я вот к этому шел...» — «Ну ты, — говорю, — тебе тридцать лет, а мне шестнадцать, что там, семнадцать, я должен себя тоже проявить как-то». Вот, Лев Абрамович конечно...

Была у нас такая преподавательница математики — Фелия Соломоновна Рацер-Иванова, совершенно выдающаяся женщина.

Т.Б.: Она у вас семинары вела?

В.Л.: Да. Она закончила факультет мехмат, ей не было восемнадцати лет еще — она уже закончила и стала преподавать. Она играла в студенческом театре, ее приглашали в другие театры, она знала замечательные стихи и нам читала. Но ругалась! Все записывала, и когда я уже защитил докторскую диссертацию, а это был 1982 год, я собрал курс весь, с которым начинал учиться, и пригласили мы Клавдию Васильевну, бывшего нашего декана, Татьяну Васильевну — была такая легендарная личность в канцелярии...

Т.Б.: Потапова?

В.Л.: Потапова, да. И вот Фелия Соломоновна пришла. И она говорит: «Так, посмотрим, что там у Лунина, какие хвосты?» У нее книжечка записная, и она про каждого стала рассказывать. *(Смеются.)*

Т.Б.: Хранилась с тех пор? Как интересно!

В.Л.: Да. И конечно, очень ее мы любили, хотя она была строгая, требовательная очень, «ругачая» такая.

Ну а потом второй курс, аналитическая химия. Ольга Георгиевна меня передала — была такая доцент Елена Васильевна Пуздrenкова на кафедре аналитической химии, и она меня ей передала из рук в руки. И когда я уезжал в Сибирь, Ольга Георгиевна была очень расстроена и говорила: «Это неправильный твой

поступок». Я говорю: «Нет, Ольга Георгиевна, правильный — кто-то должен». И она писала все три года, пока служил в армии, письма мне, и каждый раз писала: «Не сделать того, что ты можешь, — это слабость. Ты должен вернуться и закончить химический факультет».

Т.Б.: Правильно...

В.Л.: Ну я, естественно, вернулся и закончил. Потом уже, после армии, по органике у меня была Вера Алексеевна Сазонова.

Т.Б.: В практикуме, да?

В.Л.: В практикуме. Человек удивительно талантливый в эксперименте: так, как она учила всем деталям осуществления органических синтезов, — конечно, это великая школа... Вот тоже она ко мне относилась хорошо.

” Когда я попал в больницу, заболел, она приезжала, а я говорю: «Давайте, я буду сдавать коллоквиум». Она говорит: «Нет, я не могу у больного студента принимать коллоквиум — выздоровеете, тогда сдадите».

Ну а Александр Евгеньевич, он был все время, Агрономов...

Т.Б.: С вами рядом...

В.Л.: ...с нами, куда бы мы там... После первого курса мы поехали на целину, а после возвращения, после второго курса, физики поехали в первый строительный отряд, а мы — собственно я и академик — теперь — Свердлов, а он был тогда студентом третьего курса, мы организовали отряд во Внуково, строительный — там строился Научно-исследовательский институт полиомиелита. Строили вольеры для обезьян, убирали корпуса, где будут лаборатории исследовательские. И в общем, такая работа была очень важная, нужная, интересная. Я был комиссаром, а Свердлов командиром.

О стройотрядах

Т.Б.: Это у вас был опыт для следующего командирства.

В.Л.: Да. И конечно, было очень хорошо, все опять же подружились быстро ребята, я узнал курс...

Т.Б.: Валерий Васильевич, а как вы оцениваете: в те времена в стройотряд ребята, студенты ехали больше чтобы заработать, или больше чтобы поучаствовать — романтика, — помочь строительству? Вот как вы оцениваете?

В.Л.: Нет, первые отряды были, конечно, целиком... ну, в развитии традиций, которые были заложены на уборочной целине.

Т.Б.: То есть помочь стране и, так сказать, развивать...

В.Л.: Да-да-да. А уже вторая половина 1960-х годов — это уже, конечно... государство вмешалось в это дело, отряды стали мужскими в основном, девочек отбирали единицы — кто умел готовить, петь, плясать. И жестко — кто больше освоит на одного бойца отряда.

Т.Б.: Тут уже и государство ставило задачи...

В.Л.: Да, тут государство ставило задачи, поэтому обязательно нужно было иметь строительную специальность, и я, помню, водил — строились общежития на Мичуринском проспекте — я водил туда большую группу студентов наших, чтобы они учились...

Т.Б.: Осваивались.

В.Л.: ...получили удостоверения штукатуров, плотников, опалубщиков, еще какие-то — тогда можно было их брать в отряды. Поэтому были уже некие критерии отбора, довольно жесткие, и это немножко меняло атмосферу. Но все равно...

Т.Б.: Но все равно туда стремились!

В.Л.: Стремилась, конечно.

Т.Б.: Я помню, в свои времена, тоже конкурс был, отбирали... Люди хотели поехать. Было интересно.

В.Л.: Да, и даже были стихи: «Цемент и щебенка к рукам прилипали / Работа и степь — цель проста, / А мы с „Бригантиною“ пели иплыли / И черпали смех в паруса». Такая песня была, которую написал наш однокурсник, и мы пели ее с радостью всегда. Нет, атмосфера все-таки сохранялась, сохранялась.

Т.Б.: Все равно романтическая атмосфера была, в любом случае...

Окончание аспирантуры. Кандидатская диссертация

В.Л.: Получилось так, что я закончил, и меня рекомендовал и комитет комсомола, и кафедра на работу, а Елена Вадимовна закончила аспирантуру, ее рекомендовали тоже на работу. Но Александр Николаевич Несмеянов, совершенно человек необыкновенный, выдающийся, государственный человек, он читал нам лекции по органической химии, я задавал вопросы.

” Он приносил синтетическую икру, а я говорил, что она по виду — то икра, а запаха нет и вкус не тот — нужно какой-то запах придать. А он говорит: «Ну вот закончите, приходите ко мне в ИНЭОС...» — он тогда создал Институт элементоорганических соединений, и у него там была лаборатория синтетической пищи, для космонавтов готовились специальные рецепты приготовления этой пищи.

«Идите ко мне, — говорит, — и будете заниматься теорией запахов». Иван Фомич Луценко об этом знал, что у нас хорошие отношения. И он говорит... Пригласил Елену Вадимовну и говорит: «Вот, Лена, вы скажите своему мужу: пусть идет к Несмеянову. Он там быстро сделает диссертацию, защитит докторскую, он его академиком изберет...» Она говорит: «Иван Фомич, но он очень любит факультет, он не может уйти». А декан отвечает: «На факультете для вас двоих места нет, семейственность разводить не будем. Поэтому вас я оставляю, если он уйдет, сразу вам дам единицу». Ну и в итоге: была система хозяйственных договоров, где не требовалось согласие Ивана Фомича. Если я руководитель договора — я сам набираю сотрудников, тем более что на договор не все хотели идти, это временная работа как бы. И тогда мне было предложено Владимиром Ивановичем Горшковым — он был заведующим Лабораторией стабильных изотопов, у них был договор, связанный с масс-спектрометрическими исследованиями, — он предложил мне пойти на этот договор старшим лаборантом. Ну я и пошел. А Елена Вадимовна, поскольку она уже была кандидат наук, — к Борису Васильевичу Страхову — в Лабораторию катализа и газовой электрохимии, сразу старшим научным сотрудником, по договору. И так мы остались на факультете. А потом уже, через год, меня взяли на кафедру органического катализа, тоже старшим лаборантом. И я работал, наверное, года два...

Т.Б.: Это была тогда именно кафедра органического катализа, это еще до 1968 года...

В.Л.: Да-да-да. И потом Алексей Александрович умер...

Т.Б.: Вот про Алексея Александровича Баландина немножечко расскажите подробнее, пожалуйста.

В.Л.: Алексей Александрович, конечно, тоже необыкновенный человек, пожалуй, я мало таких людей — да и не знаю никого, наверное... Он был исключительно талантливый человек, но когда он сформулировал в 1929 году принцип геометрического соответствия в катализе и начал разрабатывать мультиплетную теорию катализа, он опубликовал где-то в 37-м или 38-м году статью в «Berichte», в немецком журнале. И кто-то написал на него донос, что он публикуется... А там уже Гитлер пришел к власти, научные контакты прервались, и его как немецкого шпиона арестовали и сослали в лагерь. Когда началась война, академики Семенов, Несмеянов написали письмо Сталину, что он выдающийся ученый и если его привлечь к оборонным работам, он сделает серьезные работы в области нефтехимии, в области совершенствования топлив для военной техники, и его освободили. Он очень успешно работал, ему присудили Сталинскую премию за создание новых топлив во время войны, а в 48-м году (*в 1949-м. — Ред.*) его избрали деканом химического факультета. Он проработал очень недолго, всего несколько месяцев, чуть ли не два месяца, и снова кто-то написал донос. Он написал про принцип энергетического соответствия, это развитие мультиплетной теории, и опубликовал во французском журнале, и его как французского шпиона отправили в Норильск. Он там был до смерти Сталина, потом его реабилитировали, по-моему, в 57-м или 58-м году...

Т.Б.: В 53-м его освободили и реабилитировали...

В.Л.: ...да, и он вернулся. Александр Николаевич помог ему вернуться на кафедру заведующим кафедрой — он [А. Н. Несмеянов] был академик уже. Кафедра была небольшая, он читал лекции факультативно по катализу и спецкурсу на кафедре...

Т.Б.: И вы посещали этот спецкурс?

В.Л.: Да, и я посещал этот спецкурс. Нас было на кафедре всего три дипломника: был Володя Беренцвейг, он радиохимик, но ходил к нам слушал и делал диплом на кафедре органического катализа; был такой Виктор Иванович Башин, тоже после армии. Но они часто просыпали и не приходили, а читал Алексей Александрович у себя в кабинете, в 212 комнате, мы сидели на диване и записывали... А у него был слабый слух и слуховой аппарат, и во время лекции аппарат часто «садился». Когда я приходил один на лекцию, то когда аппарат выключался, я засыпал. Он подходил и говорил: «Валерий Васильевич, мне кажется, вы спите...» Я говорил: «Алексей Александрович, у вас аппарат выключился». (*Смеется.*) А он говорит: «Ну вы бы сказали!» Подкрутит какие-то колесики, и мы снова начинали друг друга слышать...

” Это, конечно, тоже удивительное событие в Московском университете, когда академик читал трем студентам или одному лекции. Если я приходил один, он не прерывал лекцию, не уходил, не ссылался на занятость — он продолжал читать.

И все время меня поддерживал и говорил: «Вы будете очень хорошим преподавателем: вы слушаете, вы вопросы задаете, а вы, ребята...(*Смеется.*)...у вас особого интереса нет к этому, поэтому вы не будете преподавателями». Ну я тогда и не думал-то об этом даже. А потом он умер. Умер, и все академики-химики: и Семенов, и Фрумкин, и Эмануэль, и Несмеянов — все были на похоронах его, и приезжали люди из Норильска, с которыми он сидел вместе в лагере. Их оттесняли, ну и...

Т.Б.: Наверное, спецслужбы их оттесняли?

В.Л.: Да-да. После этого я сам себе придумал тему работы...

Т.Б.: Дипломной?

В.Л.: Нет.

Т.Б.: А диплом вы делали у него — фактически, наверное, вы были последним дипломником?

В.Л.: Да. Его уже не было, потом я вернулся к Александру Евгеньевичу, Лисичкин там же был... И я придумал себе тему диссертации...

Т.Б.: А какая тема была?

В.Л.: Поскольку мультиплетная теория построена на межатомных расстояниях: в соответствии с принципом геометрического соответствия расстояние между атомами в металле-катализаторе должно соответствовать расстоянию между атомами в превращаемой молекуле, двойная связь С—С должна соответствовать расстоянию Металл—Металл в катализаторе. Ну и туда попали все переходные металлы, в так называемый «прямоугольник Баландина», и нужно было его подтвердить. А я, читая все и вникая, понял, что на самом деле надо, чтобы металл активировал водород, и если он будет его активировать — он будет катализатором. Ну и нашел целый новый класс возможных катализаторов — это переходные металлы четвертой — пятой групп, это титан — цирконий — гафний, ванадий — ниобий — тантал. И я нашел книжечку — была такая Вера Ивановна Михеева, заведующая лабораторией в ИОНХе, что она получает в специальных условиях гидриды этих металлов. И я Александру Евгеньевичу говорю, и Лисичкину, что есть водородная форма металлов, водород уже там сидит в решетке кристаллической, и если его оттуда выделить — он будет принимать участие в реакции.

Т.Б.: Ну да, он в активной форме же будет.

В.Л.: Да, это переходные металлы, и водород там как компонент сплава, как, скажем, система никель — медь, где они образуют непрерывный ряд твердых растворов. Александр Евгеньевич отнесся с большим сомнением, Лисичкин же очень обрадовался, говорит, давай попробуем... И когда я подогрел так, что водород стал выделяться, в этом интервале как раз проявлялся катализ. Все они оказались катализаторами.

Т.Б.: То есть действительно эта мысль насчет того, что металл активирует водород и водород в активном состоянии способствует...

В.Л.: Да, Александр Евгеньевич вначале сказал, что это реагент: пока водород выделяется, он ведет катализ, а водород выделился — вы же не можете его регенерировать, а катализатор любой можно регенерировать... Я стал разбираться, в чем дело, и потом нашел и в литературе, и сразу видно было, что поверхность титана становится какой-то сизой, красивой очень, и конечно, он окислился. Я говорю: «Александр Евгеньевич, а вот не пускает кислород водород в объем, и если пленку снять, снова насытить...» — «Да бросьте вы, этого не может быть!»

Т.Б.: Так, а вы?

В.Л.: А я потом решил посмотреть, есть ли обмен водорода в газовой фазе с водородом, который находится в объеме металла. И выяснилось, что нет, потому что во время катализа в водороде всегда присутствуют следы кислорода, скажем, для циркония достаточно десять в минус восьмой кислорода, чтобы образовалась тонкая оксидная пленка, которая не пропустит водород. Я стал сплавлять с другими металлами, такими, как никель, кобальт, и когда я сделал сплав циркония и никеля один к одному, в таком отношении, он стал поглощать водород со страшной силой.

Т.Б.: И пленка не образовывалась?

В.Л.: Да. И там, в общем, было открыто явление окислительно-восстановительной сегрегации, когда водород выделяется, цирконий окисляется, — никель не окисляется, а цирконий окисляется, в никеле остаются островки, через которые идет водород и затем убирает пленку с циркония. Есть гетерофазный обмен, и это получилось: быстро очень меняется протий на дейтерий в решетке, и таким образом открыта новая форма активации водорода через стадию растворения в кристаллической решетке. Ну и новые катализаторы, по которым я защищался. И был плакат, висел: «Это мнение народа — мертв металл без водорода!»

Т.Б.: (Смеется.) И это было как раз предметом защиты кандидатской диссертации — в каком году?

В.Л.: Это был 1972 год. А дальше я уже стал развивать эти полиметаллические системы, которые взаимодействуют с водородом, двигать металл туда-сюда, при окислении-восстановлении поверхность покрывается — есть там немножко меди, и только медью, очень много, и селективность при этом меняется очень сильно. Скажем, если я беру цирконий и никель только, и водород, и веду катализ, то бензол просто превращается в метан. Все обращается в метан. И то же самое с толуолом происходит. Если же я беру, добавляю медь, медь выделяется на поверхности островками, и отрывается только метильная группа.

Т.Б.: То есть очень селективный катализ получается...

В.Л.: Да. Я получил массу авторских свидетельств, массу систем этих изучил, у меня пошли аспиранты один за одним. И я себе работал активно, публиковался, ездил на конференции, докладывал, за рубежом, и был такой профессор Розовский, очень крупный специалист в области катализа, профессор Крылов, — когда я докладывал в Болгарии на международном симпозиуме по новым механизмам активации водорода, они говорили: «Ну надо же, надо было приехать за границу, чтобы узнать, что происходит в нашей стране!» Вот такой удивительный совершенно катализ.

Так продолжалось до 1981 года, у меня уже, наверное, человек десять аспирантов защитилось, когда я встретил Клавдию Васильевну. Я уже был в это время доцентом, сначала младшим научным, потом ассистентом, начал преподавать, дальше в доценты меня перевели, и Клавдия Васильевна мне и говорит: «Сколько ты можешь бегать, защитил бы докторскую, пока живы мы с Альфредом Феликсовичем [Платэ]!» А уже была объединена кафедра органического катализа с кафедрой химии нефти, стала кафедра «Химии нефти и органического катализа»...

Т.Б.: Да, в 1968 году они объединились.

Докторская диссертация

В.Л.: ...и я, наверное, с 72-го года (в интервью ошибочно «с 70-го» — Ред.) и до конца жизни Альфреда Феликсовича был заместителем заведующего кафедрой. И поскольку я вел практикум по органической химии у студентов, основная часть студентов шла к нам на кафедру из моей группы. И я последовал совету Клавдии Васильевны, взял летом отпуск, приехал в родное село Красный Рог и сказал: «Мама, я буду каждое утро в шесть вставать, идти в сад, под яблоню, писать диссертацию». Это единственный отпуск, который я использовал как преподаватель за всю жизнь полностью, — за эти два месяца я написал диссертацию. Это был 81-й год, лето. Я приехал из отпуска, поработал с литературой, все подчистил, привел в красивый вид, доложил...

Т.Б.: И как звучала тема докторской?

В.Л.: «Новый класс гетерогенных катализаторов на основе интерметаллических соединений и их гидридов».

Т.Б.: Как раз обобщалось все, что было наработано за определенное время...

В.Л.: В этой области, да. На меня уже везде ссылались, во всем мире, и у нас начали работать многие лаборатории с этими системами, Миначев, академик, в ИОНХе начал такие системы исследовать... И в 82-м году, в начале декабря (3 декабря, что ли) я защитил докторскую. Очень народу было много, после защиты чествование было, прилетел академик Сокольский из Алма-Аты, он был директором института там, заведующим кафедрой катализа в университете в Алма-Ате и, выступая, сказал: «Я теперь знаю, кто меня сменит в Алма-Ате — это будет Валерий Васильевич Лунин: очень все подходит, молодой, у него столько идей, и то, что слышал — это совершенно новый катализ...»

Т.Б.: А кто у вас были оппоненты на докторской?

В.Л.: Оппоненты у меня были Олесь Михайлович Полторац, Владимир Михайлович Грязнов, академик,

и Виктор Александрович Соменков. Олесь Михайлович сказал, что если бы я только показал, что гидрид титана может быть катализатором, титан может вписываться в мультиплетную теорию, потому что Валерий Васильевич предложил новый механизм — дублетом в катализе может быть не только Металл—Металл связь, а может быть связь и Ti—H, которая подстраивается под эту молекулу, и уже не нужен второй атом металла, а вот Металл—H связь — это главный активный центр в любом случае, будь то Ni—Ni, все равно Ni—H нужен — это просто новое слово... И Владимир Михайлович тоже сказал, что это работа уникальная. Ну и дальше уже все пошло своим путем. До какого года — вот это очень важно — двадцать пять лет обратно отсчитать, это будет какой? 1997-й?

Т.Б.: Нет, 87-й.

Руководство лабораторией

В.Л.: Вот, 1987 год. В 1987 году ко мне пришел Лев Иванович Некрасов, заведующий Лабораторией катализа и газовой электрохимии (КГЭ), и говорит: «Валерий, я не знаю, что мне делать, у меня там скандалы сплошные в лаборатории, никто не может друг с другом работать — я решил уйти, возьми лабораторию: все хотят, чтобы ты пришел заведующим!»

Т.Б.: А вы с ним как-то сотрудничали раньше, почему он к вам пришел?

В.Л.: Мы с ним сотрудничали в партбюро. Я ему рассказывал, делал доклады, поскольку Елена Вадимовна была в этой лаборатории, я их всех знал, и они меня знали. И коллектив решил, что я должен прийти туда. Но Олесь Михайлович сказал: «Не берите их, вы с ними там погибнете. Я их знаю — давайте я возьму!» — «Нет, Олесь Михайлович, вы ничего не сможете сделать. Если вы столько времени не смогли сделать ничего...»

Т.Б.: А он тоже был в составе лаборатории...

В.Л.: Он ученик Кобозева был, да, он рано, в двадцать шесть лет, по-моему... в двадцать восемь защитил докторскую. Очень талантливый был человек. И он говорит: «Тогда отпусти меня из лаборатории». — «Да, конечно, отпущу». Он перешел в лабораторию к Клавдии Васильевне, а я, соответственно, был избран заведующим Лабораторией КГЭ практически единогласно. А Елена Вадимовна сказала: «Иван Фомич говорил, что семейственность нельзя разводить, — давай я перейду в лабораторию адсорбции и буду числиться там, а то получится нехорошо...» — «Ну, — говорю, — давай...»

Т.Б.: Да, тогда этому придавали значение...

В.Л.: Она так и сделала. У нас быстро очень все нормализовалось...

Т.Б.: А как удалось все это привести к мирному состоянию?

В.Л.: Лаборатория большая очень, сто двадцать человек, отдельное здание — единственная лаборатория имеет отдельное здание. И были, конечно, люди — ученики Кобозева... Ну Лев Иванович, он был спокойный, тихий, а, скажем, Ирина Владимировна Крылова, светлая ей память, она была очень «шумный» человек, считала себя великим ученым, ученицей Кобозева, и очень скандалила с аспирантами — у нее практически никто не защищался.

Т.Б.: Почему?

В.Л.: Характер был такой. И вот она, слышу, ругается в коридоре с аспиранткой Инессой Рахматулиной, я ее пригласил и говорю: «Ну что, Ирина Владимировна... Знаете, если я еще раз услышу такой разговор с аспиранткой — вы доктор наук, вы ведущий сотрудник, как вы можете так себя вести с молодым специалистом, который не может вам ответить, — нам придется расстаться...» Она говорит: «Нет, вы меня отсюда только ногами вперед вынесете...» — «Но для этого вы должны вести себя нормально». Человек изменился совершенно.

Т.Б.: Да?

В.Л.: Да. И стали приходить студенты, полно стало аспирантов. И атмосфера изменилась. И потом Юрий Андреевич Пентин, который был заведующим кафедрой, говорит: «Валерий Васильевич, вот новые условия, новое время — знаете, я не могу больше заведовать кафедрой...»

Руководство кафедрой

Т.Б.: Значит, вы возглавили лабораторию в 1987-м, и прошло несколько лет, около 1990 года...

В.Л.: И Юрий Андреевич говорит: «Пожалуйста...» — «Нет, я не могу». А это, наверное, чуть ли не 1992 год, я не помню. Потому что меня уже избрали деканом в 1992-м, и мне он предложил стать заведующим кафедрой. «Нет, — говорю, — Юрий Андреевич, не могу. Такая лаборатория, такой факультет и еще кафедра — зачем?» А он говорит: «Вы знаете, тогда сейчас начнется стремление делить кафедру». И он собрал «кафедрат», всех заведующих лабораториями, профессоров и говорит, что решил уйти, освободить место заведующего, предложил Валерию Васильевичу, Валерий Васильевич отказывается. Я привел какие-то аргументы, что я и так нагружен...

Т.Б.: Лаборатория, факультет...

В.Л.: Тогда Владимир Иванович Горшков встает и говорит: «Тогда я думаю, что нужно создать кафедру стабильных изотопов, кафедру адсорбции и катализа, и я стану ею заведовать». Николай Федорович Степанов говорит: «Нужна обязательно кафедра строения вещества и квантовой химии, и я тоже готов». Геннадий Федорович Воронин говорит: «Ну а я — термодинамику обязательно, это основа всех химических превращений».

Т.Б.: В общем, начались деструктивные тенденции...

В.Л.: Да, начались тенденции... Петр Маркович Зоркий вообще сказал, что основой должна быть кристаллохимия, отдельная кафедра... Я говорю: «Нет, этого факультет не выдержит. Если хотя бы одна лаборатория отойдет, отделится коллектив, органики сразу предложат разделить кафедру, потому что там у них три академика...»

Т.Б.: И всем хочется свою кафедру.

В.Л.: «И Ирина Петровна потребует, и Николай Серафимович — поэтому нет, не время сейчас так делать». — «Ну тогда, — говорят, — соглашайся!» — «Ладно, тогда я согласен...» Ну и проголосовали все, в том числе Евгения Максимовна Кузнецова, светлая память ей... Елена Вадимовна была потрясена: «Она за тебя проголосовала?!» А потом Ирина Владимировна на каком-то нашем празднике сказала: «Я хочу поднять тост за здоровье Валерия Васильевича, он так умело нас поставил на место, мы теперь любим друг друга...» — и в таком духе... *(Смеются.)*

Ну, про выборы декана я рассказывал уже много раз, это было уже двадцать один год назад...

Т.Б.: Тем не менее расскажите, пожалуйста, еще раз.

В.Л.: Во-первых, конечно, конец 1980-х, апрельский пленум ЦК, когда Михаил Сергеевич сказал, что «свежий ветер» будет теперь в стране, и все изменится в отношении партии и государства — это меня потрясло просто! И меня избрали секретарем парткома химфака.

Т.Б.: В конце 1980-х?

В.Л.: Да, в 1986-м или в 1987-м, я не помню. Избрали, и я подобрал такой, на мой взгляд, очень активный партком: у меня заместителем был Владимир Федорович Шевельков, по оргработе, Долманова Инга Федоровна... Много людей активных очень, неформально активных, и я решил провести реформу в КПСС.

Т.Б.: Прямо целиком в КПСС?

В.Л.: Да. Я создал движение первичных секретарей Москвы и Московской области, и каждую субботу в Южной химической аудитории собиралась полная аудитория, приезжали отовсюду все крупные организации, представители из КГБ, которые говорили, что «мы будем присутствовать» — присутствуйте. И мы обсуждали, что надо изменить, как изменить: порядок выборности, сроки пребывания на постах...

Т.Б.: Такая шла мощная инициатива снизу по позитивным изменениям...

В.Л.: Да, по совершенствованию роли...

” Я объяснял, что это парализованная структура, которая должна быть реформирована, она власть представляет, а партия не должна быть властью... Что должны быть люди, нельзя, чтобы все зависело от КПСС.

Т.Б.: Это новые, на тот момент, взгляды были...

В.Л.: Мы написали несколько писем Михаилу Сергеевичу, я подписывал их с Владимиром Федоровичем. Но потом он говорит: «Пусть он занимается своей химией».

Т.Б.: Это кто говорит?

В.Л.: Горбачев. «И не лезет, куда ему не надо». И потом поручено было Анатолию Ивановичу Лукьянову со мной разобраться.

Т.Б.: Как же он с вами разбирался?

В.Л.: Он меня пригласил, говорит: «Что ты делаешь?»

” Говорю: «Анатолий Иванович, понимаете, вы ведете страну непонятно куда, вы доведете до развала страну. Надо четко знать стратегию развития и надо начинать не со съезда народных депутатов, как вы планируете, а со съезда народов СССР, понять, что люди скажут». Анатолий Иванович отвечает: «Вы читайте выступления Михаила Сергеевича, смотрите решения пленумов — и поймете стратегию...» — «Ничего, — говорю, — понять нельзя. Из выступлений ни-че-го понять нельзя».

Т.Б.: Те же общие слова...

В.Л.: Да. Он говорит: «Нет, вы совершенно не правы, Валерий Васильевич, вы — не партийный деятель, а ученый, поэтому у вас такие закидоны», — вроде того... «Хорошо, — говорю, — тогда мы сделаем две партии, как во всех нормальных государствах...»

Т.Б.: Весьма радикальный шаг.

В.Л.: «Какие?» Я говорю: «Мы сделаем демократическую платформу в КПСС и консервативное крыло, которое будете вы с Михаилом Сергеевичем представлять». Он говорит: «У вас не получится...» — «Да получится!» Я на этом собрании тут же заявил, все поддержали, и мы стали создавать демократическую платформу КПСС. Ну а они все думали про съезд народных депутатов. Потом объявили выборы в [Верховный Совет] РСФСР, и была масса претендентов, ну и меня выдвинули...

Избрание депутатом Верховного Совета РСФСР

Т.Б.: Выдвинули кандидатом?

В.Л.: В депутаты [Верховного Совета] Российской Федерации по избирательному округу номер один. И это был очень тяжелый момент... А перед этим мы выдвинули от факультетов Алексея Михайловича Емельянова, я был руководителем его выборного штаба, я ездил с ним по всем организациям, по всем заводам, по всем районам. И там тоже было много народу, и всю ночь, когда было голосование, я сидел возле этих «счетчиков». И Алексей Михайлович победил всех тогда. Я очень обрадовался, а потом, когда уже выборы настали в [Верховный Совет] РСФСР, мне говорят: «Ну, давайте, вас выберем в [Верховный Совет] РСФСР, и будете вы, Емельянов — это же хорошо!» Вышла газета «Московский университет» с большим, крупным заглавием: «Валерий Васильевич Лунин — наша надежда!» И я развил бурную деятельность. Меня стали выдвигать многие организации, все исследовательские институты нашего района, предприятия. А претенденты были: первый секретарь райкома Ленинского, Сеньков, послы были — ряд послов баллотировался. И в университете конференция была три дня. Ко мне приходили, говорили, чтобы я отказался, поскольку баллотировался и Анатолий Алексеевич Логунов, и Виктор Антонович Садовничий. «Откажись», — говорят. Я говорю: «Нет, я здесь вырос — как же я откажусь?»

Т.Б.: Люди же надеются...

В.Л.: «Я не могу отказаться». Университет тоже меня в итоге рекомендовал — вот так я стал депутатом [Верховного Совета] РСФСР. Но я не стал уходить с факультета, конечно, деканом я еще не был ведь, да?

Т.Б.: Да, это было в конце 1980-х...

В.Л.: 1990 год, в марте 1990-го у нас был первый съезд.

” У меня был и есть депутатский мандат № 1, подписанный Борисом Николаевичем, и я начал свою деятельность депутата на общественных началах.

Т.Б.: А что входило в ваши полномочия?

В.Л.: Много. Я был членом Комитета Верховного Совета по науке и образованию, во-первых. Во-вторых, членом Высшего экономического совета России. Я был в Комиссии по этике депутатской. Довольно активно трудился. Кто был на постоянной работе, у них там были какие-то дополнительные зарплаты, у меня же ничего не было. Я два раза в месяц принимал население (приемная у меня была на Пречистенке), помогал решать вопросы, важнее всего — квартирные вопросы. Кто-то должен был получить как реабилитированный, но не получал, жили где-то в подвалах... Но мне кое-что удавалось, потому что Попов стал председателем Моссовета...

Т.Б.: О тоже университетский человек-то, Попов.

В.Л.: Да. Ельцин, которого мы поддерживали, стал председателем Верховного Совета, и я имел прямой выход на того и на другого и помогал. Потом Лужков стал, но все равно сохранились эти отношения. Несколько учителей переселил в нормальное жилье, матерей-одиночек. И даже с мехмата приходил доцент, сейчас он уже профессор, и я ходил и к Логунову, и к Лужкову — и ему дали квартиру в Химках. И так случилось, что в прошлом году, после долгих хождений к Виктору Антоновичу... У меня Лена Голубина есть такая, доцент, очень способный человек, она была рекомендована как молодой талантливый [специалист] на работу, и жила все в общежитии. И Виктор Антонович сказал: «Ладно, дадим ей, за выездом». Этому профессору с мехмата дали в доме на Вернадского, а ей дали ту квартиру, где он жил, которую я ему помог получить, в Химках!

Т.Б.: Ну вот видите, все как возвращается!

В.Л.: Да. Я посоветовал Борису Николаевичу, чтобы первый указ был о приоритетном развитии

образования, и был такой указ, подготовленный нашим комитетом. Потом я предложил Анатолию Алексеевичу Логунову [подготовить указ] об особом статусе Московского университета. Он сказал: «Нет, это должен подписать Горбачев, а Горбачев никогда не подпишет».

Т.Б.: Почему?

В.Л.: Он не приехал за столько лет в родной МГУ, он сейчас абсолютно не решает никаких вопросов уже. А Виктор Антонович сказал: «Давай-давай, делай!» Я договорился со своими коллегами по комитету и мы подготовили такой [проект] об особом статусе Московского университета как объекте национального достояния. Всего было десять таких объектов: Кремль — номер один как основа государственности, а Университет — номер два как основа культурного просвещения, там Эрмитаж, Большой Театр, Третьяковка и Санкт-Петербургский университет. И подписал Борис Николаевич. А дальше был Татьянин день, все были приглашены, и Ельцин, и все...

Т.Б.: И такой указ накануне Татьянина дня!

Выборы ректора и декана

В.Л.: И это дело, конечно, тоже важное. Ну и 1992 год, выборы декана. Но сначала были выборы ректора, и четверо было [кандидатов] — Алексей Михайлович, я, Скулачев и Виктор Антонович. Я понимал, что у меня шансов мало очень, Виктор Антонович столько лет был первым проректором, его влияние было очень сильное, потом я уже был депутатом — и это тоже, ко мне подходили, говорили: «Ну зачем тебе с ними?.. Ты уже депутат...»

Т.Б.: Хватит уже, да?..

В.Л.: Да. Но я говорю: «Нет! Я хочу просто рассказать, что может быть университет другой, не такой, как при Логунове...» И когда Виктора Антоновича выбрали, 23 марта 1992 года, он меня пригласил на следующий день и говорит: «Валерий Васильевич, я предлагаю вам любое место в моем окружении, любым проректором, каким вы хотите». Я говорю: «Виктор Антонович, я не могу так — вы готовились, у вас команда, наверное, есть, поэтому это было бы неправильно, если вы назначите меня проректором в этой команде. Но у нас будут в апреле выборы декана, и если меня изберут, я вам буду очень хорошим помощником!» — «Ну давайте!»

А у нас четыре кандидата было, все люди известные, достойные: Леонид Александрович Асланов, Сергей Дмитриевич Варфоломеев, Михаил Яковлевич Мельников и я. Мы, как положено, подготовили программы, опубликовали в газете «Советский химик», потом доложили на совете, что и как...

Т.Б.: А как вы считаете, чем ваша программа отличалась от программ ваших конкурентов?

В.Л.: Она отличалась отсутствием формализма. Я говорил, что я сохраню все лучшее, что есть, и еще я считаю, что надо то-то, то-то, то-то, надо слушать людей, надо помогать всем — время трудное сейчас, надо беречь традиции образования, надо беречь наши школы. Много не делалось в последние годы, как будто готовились к Всемирному потопу. Поэтому надо начать спокойно и активно работать. Я думаю, что при мне не будет никаких крупных столкновений, скандалов — я буду этого не допускать.

Юрий Дмитриевич [Третьяков] выступал, что нам политик не нужен, Валерий Васильевич — политик, он нам не нужен, я предлагаю Мельникова — молодой, энергичный; Олег Александрович [Реутов] выступил и сказал, что он считает — Асланов будет лучшим деканом, Соколовская за Асланова тоже, Ирина Петровна [Белецкая] — за Варфоломеева выступила...

Собрание вел академик Золотов Юрий Александрович, выступил Виктор Александрович Кабанов и сказал: «Валерий Васильевич будет работать на факультет, я его знаю с детства, я точно знаю, что человек по своему характеру не допустит одностороннего развития факультета, поэтому я призываю проголосовать [за него]». Выступил Богданов Алексей Алексеевич, сказал, что мы вместе с ним работали

в комсомоле, что Валерий Васильевич формально никогда ничего не делал, что была народная дружина, где меня даже ранили, и газета вышла «Любимый город может спать спокойно» с портретом моим тогда, и там кто-то еще надписал: «когда Лунин спит». Ну и объявили потом итоги голосования. И Наталья Николаевна Угарова, член счетной комиссии, когда закончился перерыв и уже должны были результаты объявить, мы сидели — Варфоломеев, я, Мельников и Наталья Николаевна, и она говорит Варфоломееву: «Ну, Сережа, жалко терять заведующего кафедрой на пять лет, но я тебе буду помогать, и все мы будем тебе помогать...» Я говорю: «Что, Наташа, Варфоломеев выиграл?» — «Ну да!» Я говорю: «Ну, Сергей Дмитриевич, поздравляю, я тоже буду помогать...» Михаил Яковлевич говорит: «Ну ладно, я тоже буду помогать...» И тут выходит Борис Иванович Подловченко, председатель счетной комиссии, и говорит, что комиссия вскрыла столько-то там бюллетеней, пятьдесят один, что ли: за Асланова восемь или десять, за Варфоломеева — одиннадцать, Лунин — сорок два, Мельников — тоже, по-моему, около одиннадцати. Таким образом, деканом химического факультета избран Валерий Васильевич Лунин.

” **Сергея Дмитриевича надо было видеть — как он смотрел на Угарову! Я тоже говорю: «Наташ?!» — «Ну что вы на меня уставились?! Я пошла обедать, я не присутствовала при подсчете, но я была уверена, Сережа, что тебя выберут!»**

Тут все стали меня поздравлять, подошел Олег Александрович Реутов и говорит: «Валерий Васильевич, я спокоен за факультет, я голосовал за Леонида Александровича, но я считаю, что вы будете хорошим деканом, я желаю вам успехов!» Подошла Соколовская: «Я буду первой женщиной, которая поцелует нового декана!» Я подхожу к Юрию Дмитриевичу и говорю: «Юрий Дмитриевич, а что же вы меня не поздравляете?» — «А я голосовал против!» — «Не вы один голосовали против, там человек десять голосовали против или одиннадцать, но это же не меняет картину — меня избрали! Но я правда думал, что вы — педагог, а вы еще и не педагог!» — «Почему?» — «Передо мной стояли Антипов и Кауль, а вы говорите: голосуйте за кого угодно, только не за Лунина, разве можно так? Вы — академик, они — сотрудники ваши, так нельзя говорить, Юрий Дмитриевич!» — «А вы слышали? Какой ужас! Мстить будете теперь?» — «Нет, будем вместе работать, ну не получится — как-то по другому будем решать...» На следующий день я прихожу — висит газета в приемной деканата «Кафедра неорганической химии поздравляет Валерия Васильевича Лунина с избранием деканом», и первая подпись — Третьяков, и вся кафедра! Я позвонил, сказал: «Спасибо, Юрий Дмитриевич, тронут!» И так уже продолжается двадцать лет, двадцать первый год пошел — такого еще не было...

Т.Б.: Да, это большой очень срок, у нас действительно, наверное, не было по столько времени...

В.Л.: Нет-нет. Никто. Дольше всех, наверное, Илья Васильевич был, но он кафедру создавал.

Т.Б.: Да. Как вы считаете, на пути вашем деканском что главное удалось сделать за это время? Как в организационном плане, так и в научном плане на факультете.

В.Л.: Многое удалось сделать, конечно. Прежде всего, благодаря факультету нашему, сохранилось химическое образование в стране, и не просто сохранилось, а все время развивалось и совершенствовалось. Я считаю важнейшим нашим вкладом то, что мы ни один химический факультет страны не оставили в стороне. Мы все эти двадцать лет проводим пленумы Учебно-методического совета, УМО классических университетов по химии. Президиумы мы проводим в разных университетах нашей страны, а Пленум — всегда на химфаке. И вот, в начале 1990-х, когда мы обсуждали программы, совершенствование программ и смотр программ, учебники, учебные пособия, — мы беспощадно отклоняли слабые и поддерживали всегда сильные, и все свои предложения мы отправляли в министерство, как бы оно ни называлось — «науки», «высшего образования», и министры менялись, а нам удавалось сохранять.

Я вспоминаю 1999 год, было факультету семьдесят лет, и деканы пели песню: «Союз нерушимый родных

факультетов / Не сможет разрушить ни враг, ни дурак!», — и вот это отношение к факультету, как говорит Виктор Антонович: «Как они у тебя построены!» — а сейчас уже более восьмидесяти университетов входят в УМО. Потом, удалось не просто возродить, а вернуть на факультет все олимпиады химические. Они уже зачали к началу 1990-х, и мы единственные, кто сохранил бывшую Всесоюзную олимпиаду, транслировав ее в международную «Менделеевскую». Это было поддержано всеми химическими обществами бывших республик Советского Союза. Она называлась: «Международная Менделеевская олимпиада стран СНГ и Балтии», а лет семь назад присоединились Болгария, Румыния, Македония, в этом году в Астане подключились Венгрия, Франция, Турция, кто-то еще, а сейчас я был на Всемирной олимпиаде в Вашингтоне — еще попросили подключиться Саудовская Аравия, Кувейт...

О химических олимпиадах и реактивах из ГДР

Т.Б.: А не станет ли Менделеевская олимпиада альтернативой или конкурентом международной?

В.Л.: Я думаю, она заменит ее, потому что авторитет ее очень высок в планенаучно-методическом именно, таких заданий, как на Менделеевской олимпиаде, на Всемирной просто не бывает.

Т.Б.: А чем они отличаются?

В.Л.: Они отличаются смыслом. Всемирная — она больше похожа на ЕГЭ, потому что там есть некий алгоритм заданий, который предусматривает серьезные вычисления, но не требует химического глубокого знания, а мы стараемся сделать задания творческие, которые бы требовали от человека умения думать. И не случайно у нас на следующий год будет в третий раз Всемирная олимпиада школьников по химии. Если в 96-м году, в первый раз, участвовало 43 страны, в 2007 году — 68, то в 2013-м будет уже 78.

Т.Б.: Это очень много...

В.Л.: Причем все хотят в Москву — и это признание успехов наших химических школ, наших ребят, нашего образования, и это тоже очень важно — это помогает нам сейчас, когда к естественному и математическому образованию стремление очень слабое у детей и всего лишь 13% сдают химию, 15% — физику по ЕГЭ, у нас конкурс есть, конкурс явный, и то, что из четверых в этом году трое одиннадцатиклассников, получив золотые медали на Всемирной олимпиаде, пошли к нам, а всего около ста человек по олимпиадам поступили к нам — это почти половина, и это очень и очень важно...

Конечно, приходилось находить по многим проблемам факультета неформальное решение. Например, в 1992 году ни одного реактива не поступает, ни одной копейки на реактивы, ни одной копейки на ремонт...

Т.Б.: Снабжение было вообще на нуле...

В.Л.: Получали только стипендии и зарплату. И потом с реактивами — объединилась Германия, и ФРГ решила, что реактивы, выпущенные в ГДР, — негодные все и их надо уничтожить, выделила значительные средства на их уничтожение. И тогда я обратился к бывшим нашим немецким студентам, выпускникам... К этому времени уже при моем участии была создана «Ассоциация выпускников и друзей Московского университета в Германии» и я до сих пор член Попечительского совета этой ассоциации, ей двадцать лет уже исполнилось. И я им объяснял, что если они создадут такую ассоциацию, они войдут в новую Германию как граждане Германии, а не как граждане ГДР, надо во все структуры правительственные входить — они так и сделали.

И тогда я обратился к этим ребятам нашим, что надо помочь нам получить реактивы, которые собираются уничтожить.

Т.Б.: Да, зачем же такое богатство ...

В.Л.: И мы обратились в правительство Германии, я несколько раз туда ездил, потом мы здесь с Виктором Ивановичем Штепой обсуждали, как доставить, удалось договориться с начальником тыла нашей армии, которая уходила, — нам бесплатно привезли все сюда, это порядка девяти—одиннадцати вагонов реактивов, хорошо упакованных.

Т.Б.: Немецких, хорошего качества...

В.Л.: И мы ими десять лет учили наших студентов и студентов смежных факультетов. И вот это был, я считаю, инновационный проект, настоящий, с огромным выходом! *(Улыбается.)* Все же это видели, и все университеты тоже, потом мы составили перечень-минимум реактивов, которые должны быть во всех химических факультетах университетов России, чтобы готовить студентов, я это вручил министру, направили в правительство...

Т.Б.: Ну да, чтобы было законное основание у них требовать...

В.Л.: Да, хотя бы минимум, который позволял [учить], чтобы не был только один мел.

Т.Б.: Валерий Васильевич, а для провинциальных университетов, наверное, очень актуальным был такой минимум? У них гораздо меньше, чем у нас.

В.Л.: Там никому ничего не давали. Мы проводили в 93-м или 94-м Президиум во Владивостоке.

” Дальневосточный университет, самый дальний наш университет — у них окна были подушками закрыты, стекла не было!

Приборов не было, у них замечательная химия морепродуктов, растительных полимеров, ректор замечательный был — юрист, Владимир Иванович Курилов, но очень поддерживал естественные факультеты. Я просто попросил его подписать письмо на имя Бориса Николаевича, что приближается 100-летие Дальневосточного университета, и нужно приобрести хотя бы один хороший ЯМР-спектрометр на 600 МГц и хромато-масс-спектрометр, чтобы можно было и студентов учить, и зарабатывать, и науку делать. Все было сделано.

Т.Б.: Для университетов России это была очень важная вещь...

В.Л.: Да. И до сих пор мы это бережем. Много было сделано, основные моменты я назвал.

Т.Б.: А вот в научно-организационном плане, для развития науки на факультете, что, вы считаете, важного было сделано за время вашего деканства?

В.Л.: Все эти годы мы занимались переоснащением, поддержанием в нормальном более-менее состоянии практикумов и аудиторий — это просто головная боль ежедневная. Прием. Система приема, которую мы создали, еще когда не было олимпиад, которые Виктор Антонович возглавил, Перечень министерства, а у нас уже была наша заочная олимпиада, университетская, у химиков. Мы собирали на очный тур и по нему принимали тоже. Я считаю, это все работало на будущее. Науку мы сохранили — учредили Менделеевский конкурс научных работ студентов младших курсов, уже девятнадцатый был в этом году, он также проходит в разных университетах России, я был президентом партнерства «Содействие экологическому и химическому образованию», сейчас — Оскар Иосифович Койфман, а я — председатель Попечительского совета, мы продолжаем это делать. Ну и, конечно, международные связи. В 1991 году я поехал в США по линии Верховного Совета, одиннадцать университетов я посетил в разных местах, в США посмотрел, как строится образование, смотрел Аризонскую атомную станцию, как защита строится, мы тогда возрождали группу радиохимиков у себя...

Т.Б.: А что вас больше всего удивило, поразило, заинтересовало в американских университетах?

Что интересного там?

В.Л.: Больше всего поразило обеспечение университетов, оснащение. И сегодня факультет оснащен очень хорошо, это важно, и тут, конечно, двадцать лет мы с Виктором Антоновичем работаем — его участие выдающееся. Потом то, что делает факультет в школе, я не знаю, может быть, когда-нибудь оценят: Брянский городской лицей, Союз лицеев, Съезд учителей был — это же почти восемьсот человек приехали, три дня работали, и они все, когда к нам приезжают, ощущают поддержку. А в науке мы уже три года на первом месте среди всех научно-образовательных организаций нашей страны, и Виктор Антонович сейчас показывал картинку, где цитируемость самая высокая у химиков — это наши достижения. Это тоже очень важно. Молодежь также мы всячески поддерживаем. Ну, наверное, на сегодня все?

Т.Б.: На сегодня все, спасибо!